

В. М. БЕХТЕРЕВ. ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ СОБИРАТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Владимир Михайлович Бехтерев

(01.02.1857, село Саралы Елабужского уезда Вятской губернии — 24.12.1927, Москва).

Окончил Вятскую гимназию, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., затем поступил в Петербургскую военно-хирургическую академию.

В 1881 г. — защитил докторскую диссертацию о физиологии центральной нервной системы человека.

С 1885 г. — заведующий кафедрой психиатрии Казанского университета, одновременно консультант в Окружной психоневрологической лечебнице, где им была создана первая в мире психофизиологическая лаборатория.

С 1894 г. — профессор невропатологии и психиатрии Петербургской военно-медицинской академии.

В 1900 г. избран председателем Русского общества нормальной и патологической психологии.

В 1907 г. создает в Петербурге Психоневрологический институт — первый в мире центр по комплексному изучению человека.

С 1918 г. — руководитель Государственного института по изучению головного мозга.

В 1927 г. — присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

«Народ выходит из состояния варварства лишь тогда, когда после долгих усилий, постоянной борьбы и бесчисленных начинаний он приобретает идеал. Природа этого идеала имеет мало значения... но этого идеала будет достаточно, чтобы соединить единство чувств и мыслей у всех индивидов расы, находящейся на пути своего образования. Тогда-то и может народиться новая цивилизация со всеми своими учреждениями, верованиями и искусствами. Увлекаемая своей мечтой раса последовательно приобретает все, что дает блеск, силу и величие...»

В. М. Бехтерев

Владимир Михайлович Бехтерев, безусловно, является знаковой фигурой для отечественной психологической науки. Проявления этой знаковости мы находим в В. М. Бехтерева как символе и предвестнике объективной психологии и деятельностного подхода в психологии. В В. М. Бехтерева как символе и родоначальнике социальной и экономической психологии, психологии труда и инженерной психологии, педологии, психологии творчества, общей психологии. И наконец, в В. М. Бехтерева как символе петербургской школы психологии, духовном учителе Б. Г. Ананьева¹. В сложной и противоречивой личности В. М. Бехтерева соединился гений неукротимого организатора отечественной науки и **талант провидца новых научных направлений**.

С работы В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» пишет свой первый лист истории и отечественная политическая психология. В самом термине «рефлексология» заложена глубинная методологическая установка Бехтерева на понимание психических явлений, озвученная в его классическом труде «Объективная психология»: «Все проявления человека — суть рефлексы»². За данным тезисом просматривается влияние глубоко чтимого Бехтеревым И. М. Сеченова и его положения о рефлекторном происхождении всех явлений сознательной и бессознательной жизни человека. Изменив акцент, **под категорию коллективных рефлексов или реакций** Бехтерев подводит все проявления коллективной деятельности.

В качестве объекта исследования коллективной рефлексологии выступает «собирающая личность». **Собирающая личность** — это «всякая вообще толпа, общественное собрание, заседание советов, театральная публика и т. п., иначе говоря, все виды собраний, объединенных тем или другим настроением, той или другой целью или действием и т. п., безразлично, будет ли все это объединяться каким-либо случайным событием, предписаны ли цель или действие уставом или установлены обычаем или каким-либо иным образом»³. Пространство жизненного существования собирающей личности, создаваемое через язык, общие понятия, религию, обычаи, кодексы, немислимо, по В. М. Бехтереву, вне политики, ибо «в мире человека сообщества принимают форму политических сообществ»⁴.

1 Целый ряд положений Б. Г. Ананьева, в частности известнейшая модель человека как индивида, личности и индивидуальности, являются продолжением и конкретизацией идей В. М. Бехтерева.

2 Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. С. 26.

3 Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 87.

4 Там же. С. 148.

Что представляет собой, как возникает, развивается и действует собирательная личность, каковы закономерности взаимоотношений между собирательной личностью в целом, ее отдельными членами и их группами, каковы психологические проявления и разновидности собирательной личности? Вот вопросы, которые должна прояснить коллективная рефлексология.

Подобно каждой отдельно взятой личности собирательная личность обладает собственной индивидуальностью. И индивидуальность эта зависит от «умственного уровня его сочленов, от их профессии, от их служебного положения, далее, от того цемента, который связывает отдельных членов в одно сообщество»⁵. Этот цемент, скрепляющий людей узами коллективной истории, образован, на взгляд В. М. Бехтерева, следующими **тремя факторами**.

Во-первых, это **общий интерес и единство действий** отдельных членов коллектива. Чем больше общих интересов, тем больше и сплоченность коллектива. Коллектив людей в основе всегда имеет связующее начало. Таким началом может быть общее настроение (толпа), общее наблюдение и общее сосредоточение (театры, концерты, вообще зрелища и представления всякого рода), общее обсуждение, общее решение или постановление и общность или единство цели и действий. Примером коллектива, связываемого задачей стяжания, могут служить тотализаторы, игорные дома, банковские коллективы. Примером коллектива, основанного на единстве определенных достижений, являются научные и иные организации.

Во-вторых, это **общность цели и задачи**, которые придают смысл существованию коллектива и побуждают коллектив к единству действий.

Сплоченность и однородность коллектива являются индикаторами его моральной силы и деятельностного потенциала. Соответственно, чем сплоченнее и однороднее коллектив, тем он больше имеет моральной силы и тем он деятельнее, и наоборот.

Наконец, в-третьих, главным стержнем, обеспечивающим существование, развитие и процветание собирательной личности, является **идеал**. «Народ, — пишет В. М. Бехтерев, — выходит из состояния варварства лишь тогда, когда после долгих усилий, постоянной борьбы и бесчисленных начинаний он приобретает идеал. Природа этого идеала имеет мало значения; он может представлять культ Рима, Афин или поклонение Аллаху, все равно, но этого идеала будет достаточно, чтобы соединить единство чувств и мыслей у всех индивидов расы, находящейся на пути своего образования. Тогда-то и может народиться новая цивилизация со всеми своими учреждениями, верованиями и искусствами. Увле-

каемая своей мечтой раса последовательно приобретает все, что дает блеск, силу и величие...»⁶

Ослабление идеала становится первым предвестником скорого заката цивилизации. «Совершив свое созидательное дело, время неизбежно переходит к делу разрушения, которого не избегают ни боги, ни люди. Достигнув известной степени могущества и сложности, цивилизация перестает расти и осуждается за упадок. Скоро должен пробить для нее час старости. Наступление его неизбежно отмечается ослаблением идеала, поддерживающего душу расы. По мере того как бледнеет идеал, начинают колебаться здания политических, социальных и религиозных учреждений, опирающихся на этот идеал...»⁷

Собирательные личности неоднородны. В. М. Бехтерев предлагает различать их по степени организованности, по составу входящих в них индивидов, по цели, по характеру взаимоотношений входящих в их состав индивидов. Впервые в истории социальной психологии В. М. Бехтерев вводит и критерий разграничения больших и малых социальных групп. Но критерий этот не может быть в чистом виде количественным, ибо он опирается на следующую важную закономерность: «Существует известный предел для непосредственного общения в целях коллективной деятельности. Чем элементарнее цель и задачи коллектива, тем больших размеров он может достигать»⁸.

Бехтерева, безусловно, можно рассматривать и в качестве родоначальника отечественной этнопсихологии, поскольку ему принадлежит приоритет в изучении психолого-политических характеристик этноса: «Границы собирательной личности могут расширяться до целых городов и стран, население которых сплочивается одними общими интересами»⁹. Собирательную личность представляет собой и народ. «Казалось бы, что народ представляет собою нечто столь пестрое, что о единстве его трудно и говорить, а между тем не подлежит сомнению, что тот или другой народ живет в каждый данный момент общими интересами, переживает более или менее общее всем настроение, волнуется одними и теми же чувствами, возбуждается более или менее одинаковыми общественными идеалами и живет одними и теми же общественными стремлениями, создавая одну общую культуру. Эта общность духовной жизни в каждом данном народе слагается исторически, благодаря целому ряду условий экономических, политических и этнографических, и обуславливается единством культуры, единством общественно-экономических интере-

6 Там же. С. 240–241.

7 Там же. С. 241.

8 Там же. С. 49.

9 Там же. С. 87.

5 Там же. С. 86.

сов и единством исторических судеб в период совместной жизни»¹⁰.

Особо среди собирательных личностей следует отметить толпу. Ее незавидная историческая роль на помостах революционной авансцены требует особо пристального внимания. Бехтерев чрезвычайно тонко подметил сущностные **психологические характеристики толпы**. «Толпа как коллектив отличается «моноидеизмом», особой впечатлительностью, необычайной возбудимостью, переходящей часто в жестокость, легковёрностью, крайним безрассудством, рефлексивностью в действиях, недостатком стойкости, поразительной изменчивостью, относительно малой дифференцированностью и стадной подчиненностью своему вожаку, обусловленной ее повышенной внушаемостью и склонностью к подражанию»¹¹. Причиной **уверенности толпы в своем могуществе и в своей безответственности** является ее численность.

Собирательная личность проявляет «свою соборную соотносительную деятельность как целое»¹² благодаря взаимному общению друг с другом входящих в нее индивидов. Это общение не только не предопределяет императивного нивелирования входящих в ее состав индивидуальностей, но, напротив, по мысли В. М. Бехтерева, представляет собой мощный фактор развития каждой из них. Представляя объединение индивидов различных талантов и способностей, собирательная личность не выравнивает все наиболее выдающееся и выделяющееся по уровню среднестатистической посредственности. Каждая составляющая общество или коллектив единица влияет на **общую равнодействующую, по которой движется коллектив**. И поэтому «чем сильнее в социальном отношении личность, тем более она направляет равнодействующую в определенную сторону»¹³.

Каковы же основные **психологические проявления собирательной личности** и какими факторами они обуславливаются?

На взгляд В. М. Бехтерева, можно говорить о таких психологических проявлениях собирательной личности, как настроение (отражающееся в творчестве, мифологии и верованиях народа), наблюдательность и восприимчивость, взгляды, суждение, действия, «которые часто не совпадают во всех частях по своему характеру с такими же проявлениями отдельных личностей, входящих в коллектив»¹⁴. В деятельности каждого коллектива В. М. Бехтерев предлагает различать наследственно-органические проявления (инстинкты), большую или меньшую

возбудимость, коллективное настроение, наблюдательную способность, коллективное сосредоточение, коллективную творческую деятельность и как одно из ее проявлений суждение, приводимое к определенному результату в форме решения или постановления и, наконец, выполнение этого решения или постановления в форме того или иного действия.

Со всей остротой В. М. Бехтерев поставил и **проблему соотношения социального и биологического в личности**, более того, показал, что биологическое проявляет себя и на уровне собирательной личности. Наследственно-органические рефлексy являются детерминантами не только нашего индивидуального поведения, но и общественной жизни. Сама общественная природа человека, «социальный рефлекс» коренятся, по мысли Бехтерева, в условиях удовлетворения органических потребностей. Поскольку удовлетворение тех или других наследственных органических влечений (таких, например, как защита от неблагоприятных условий, добыча пищи) достигается во многих случаях лучше коллективными, а не индивидуальными усилиями, «это обстоятельство нередко служит руководящим импульсом для действия скопом»¹⁵. **Инстинкт коллективного самосохранения** оказывается своего рода производной от инстинкта индивидуального самосохранения.

Роковым следствием коллективного самосохранения Бехтерев полагает и социальную организацию: «Каждый социально воспитанный индивид, входящий в сообщество, в сущности, тем самым усиливает сообщество, поскольку каждое сообщество является защитой и охраной индивидов, в него входящих. Обобществление этого наследственно-органического рефлекса и привело к развитию норм общежития и установлению власти как организующего начала, служащего обеспечению внутренней и внешней охраны самого сообщества»¹⁶.

В качестве **универсального аналога самосохранения** в социуме выступают деньги, другие знаки и документы (договоры), выступающие гарантом «удовлетворения влечения к пище, приобретению одежды и других предметов, улучшающих благосостояние»¹⁷. Механизм их действия представляется Бехтеревым следующим образом: «Когда наследственно-органические рефлексy приводят к результатам, отвечающим нуждам коллектива, развивается стеническая реакция, поддерживающая осуществление рефлекса и его дальнейшее развитие до его выполнения. Для достижения цели в коллективном опыте могут выработаться средства, которые вне зависимости от

10 Там же. С. 87.

11 Там же. С. 91.

12 Там же. С. 46.

13 Там же. С. 89.

14 Там же. С. 86.

15 Там же. С. 143.

16 Там же. С. 143–144.

17 Там же. С. 144.

достижения цели, соответствующей осуществлению рефлекса, для всякого индивида были бы совершенно индифферентными, но с развитием коллективного опыта путем сочетательного рефлекса становятся возбудителями стенической реакции, а следовательно, и соответствующих действий»¹⁸. Таким образом, социум может регулировать осуществление наследственно-органических рефлексов через установление сопутствующей им стенической реакции.

Коллективным влечением к самосохранению отмечены многие проявления человеческой природы, в том числе и достаточно неприглядные. Такие как трусость, предательство, паника, а также агрессия и мародерство. Коллективное влечение к самосохранению питает собой жажду власти и похоть власти: всякая власть под влиянием влечения к самосохранению защищает свое собственное существование, хотя бы даже в ущерб интересам народных масс.

Но на этом же инстинкте зиждется и вся **система жизнеобеспечения общества**. Это и экономика: в охотничьих и рыбацких кооперациях, при приручении домашнего скота, птицеводстве, развитии земледелия, культивировании злаков и овощей, плодовых деревьев, обмене продуктами и другой деятельности сотрудничество облегчает удовлетворение коллективного влечения к самосохранению. Приводя к определенному виду кооперации, это влечение поддерживает общественное начало.

И политика: коллективное влечение к самосохранению является основой и партийной тактики, и государственной внутренней и внешней политики, управляя действиями государственной власти в отстаивании международных прав и своего положения в стране.

И право: из коллективного влечения к самосохранению произрастают нормативы, регламентирующие общественные отношения: установление права собственности на землю, установление гражданского и уголовного права, право наследования.

Это также оборона и охрана правопорядка: влечение к самосохранению приводит в коллективном организме к подготовительным работам по обороне в виде постройки крепостей, изготовления орудий обороны и нападения и т. п. В других случаях влечение к самосохранению выливается в форму коллективных действий, направленных к обереганию имущества и охране национальных богатств от чуждого на них посягательства и к защите религиозных верований. Сюда В. М. Бехтеревым относятся самосуды толпы по отношению к ворами и грабителям, суды линча в Америке, национальные столкновения и войны.

Влечение к самосохранению, требуя выстраивания

упорядоченной и предсказуемой картины мира, объясняет и неизменную живучесть и развитие религиозных учений, поскольку они выявляют потребность в защите человека от неизвестных и таинственных сил природы и окружающих врагов.

Наконец, даже стремление к свободе и защите своих прав возникает, согласно Бехтереву, также на почве влечения к самосохранению.

Два других наследственно-органических инстинкта (инстинкт продления рода и родительский инстинкт) являются, на взгляд Бехтерева, не только **основой семьи**, но также и **национального начала**: семья привела к развитию родов и племен, откуда возникает развитие и защита национальных начал, приводящих к племенным и национальным распрям и войнам. Тесно связанный с половым влечением родительский «инстинкт» является другой основой семейного сообщества.

В этой связи представляет интерес и выход Бехтерева на анализ психологических основ демографической политики государства: «*В цивилизованных странах европейского и азиатского материка устойчивость семьи признается условием здорового состояния общества и государства*»¹⁹. Ввиду особой важности семьи в целях обеспечения пополнением населения институт семьи поддерживается всяким государственным коллективом, как и связанный с ним институт семейного права. Вот почему как институт брака, так и обязанности родителей во всех цивилизованных странах охраняются гражданской и религиозной санкцией путем особого установления, вошедшего в обычай, в религиозный ритуал и в государственные законы. И эта охрана и поддержка брака тем вообще строже, чем консервативнее государственное устройство и состав общества. «*Можно думать, что те общества, которые не поддерживали и не развивали эту охрану в должной мере, осуждены на вырождение и вымирание*»²⁰. Немалую роль ослабление этой социальной охраны в форме родительского «инстинкта» сыграло, на взгляд Бехтерева, и в разрушении высокоцивилизированных обществ Древней Греции и Рима.

Психологическим фактором, определяющим **устойчивость нации**, является и оказывающее «огромную поддержку семейному укладу» почитание предков: «*Культе предков содействовал много устойчивости древнего Рима, как ныне тот же культ почитания предков содействует устойчивости и силе Японии и Китая*»²¹.

На почве данных наследственно-органических рефлексов произрастает и развитие более тесных социальных связей между членами одного рода и племени, с одной стороны, и поднятие нравствен-

¹⁹ Там же. С. 147.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Там же. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 145.

ных начал в социальной среде — с другой, ибо материнское воспитание создает нормы общественного уклада, устраняя грубое обращение с подчиненными. Развитие благотворительности в обществе и вообще гуманитарное регулирование самых жестоких проявлений государственного эгоизма, таких, например, как война, как полагал Бехтерев, также в значительной мере обязаны родительскому инстинкту и связанному с ним смягчению условий воспитания.

Бехтереву, безусловно, принадлежит приоритет в описании и экспериментальном исследовании таких наблюдаемых в коллективной деятельности психологических эффектов, как внушение, убеждение, заражение, подражание, внутригрупповая индукция. Любопытны и замечания Бехтерева **по поводу конформизма**: *«Если установилось настроение большинства лиц или отношение его к какому-либо факту, много ли найдется достаточно смелых, чтобы идти против общего течения. Даже в собраниях, которые специально предназначены для обсуждения какого-либо предмета и где обсуждение является целью собрания, после того, как мнение большинства определилось отдельному лицу бывает трудно выступить против. Тем более это трудно бывает сделать в уличной толпе, где обсуждения нет, а есть лишь вожаки, которым толпа подчиняется почти беспрекословно, особенно, если вожак уже ранее снискал к себе расположение толпы»*²².

Дабы коллективная рефлексология могла говорить на языке не домыслов, интуитивных догадок и прозрений «народной души», «народного чувства» и «народного духа», но положительных фактов и закономерностей, она должна опираться в своих исканиях на строгие научные методы. Таковыми Бехтерев считает эксперимент и статистический метод. *«Статистика определяет число однородных деяний, производимых в том или ином коллективе, и этим самым делает учет, как та или иная деятельность или состояние коллектива развивается, какие она терпит отклонения или останавливается в своем развитии, или клонится к упадку»*²³.

Показательны и намеченные Бехтеревым точки приложения статистического метода к психолого-политическому анализу собирательной личности. Так, **индикатором общественного темперамента и настроения** являются данные о посещаемости театров, ресторанов, игорных домов, церквей и количество самоубийств. Направление **общественно-кругозора** указывает статистика общественных библиотек, рейтинг популярности книг, периодических изданий, журналов. Направление **общественной деятельности** — сведения о количестве молодежи, поступающей в вузы, о числе членов различных профсоюзов, распространение тех или иных

предприятий. Направление **политических взглядов** в данном обществе должно отражать число членов различных политических партий, участников различных политических и общественных собраний и митингов, количество голосов, поданных при выборах за членов тех или иных партий. Оценку поведения общества с точки зрения его нравственности Бехтерев предлагает давать через сведения о количестве и характере совершенных за определенный период времени преступлений. Наконец, наглядное **отражение быта, уклада жизни** и обихода жителей страны в потребностно-мотивационной сфере общества представлено всей торговой и промышленной статистикой.

Статистический метод должен помочь исследователю социальных процессов *«проследить и действие тормозящих влияний по отношению к той или иной общественной потребности или общественному движению, и смену этого действия противоположными, так сказать, поощряющими влияниями при других социальных условиях»*²⁴.

Выявление психологических особенностей различных типов собирательных личностей должно стать основой конкретных технологий управления ими. И в этом плане *«искусство руководства собирательной личностью должно включать в себя арсенал приемов для толпы, организованных масс, театральной публики и для коллективов, задачи которых сводятся к суждению»*²⁵. Например, в плане руководства толпой следует исходить из того, что сила толпы заключается в ее объединении и однородности, характеризующейся моноидеизмом или одноцельностью. *«Раскол в этом отношении в полной мере губителен. Искусство в управлении толпой должно заключаться в том, чтобы поддержать моноидеизм во что бы то ни стало и устранить возможный раскол всеми возможными средствами. Для этого пользуются разными способами, которые сводятся к изолированию толпы от посторонних воздействий и усилению однородности коллектива всеми данными, поддерживающими и оправдывающими стремления толпы»*²⁶.

Чем слабее сплоченность и организованность коллектива, тем меньше имеет коллектив возможности достигнуть тех целей, ради которых он возник. Так, *«толпа оказывается страшной самой сплоченностью. Разъедините толпу в отношении предмета, который ее в данную пору занимает, и она становится бессильной»*²⁷.

Из этой закономерности проистекают и рекомендации по психологическому воздействию на противника: *«Всякое войско держится только своей сплоченностью и организацией. Разъедините части войск,*

24 Там же. С. 60.

25 Там же. С. 76.

26 Там же. С. 76.

27 Там же. С. 79.

22 Там же. С. 94.

23 Там же. С. 59.

дезорганизуите их путем ослабления дисциплины, основанной на безусловном повиновении, и вы превратите войско в беспорядочный сброд людей, который не способен не только к наступлению и обороне, но даже и к достойному поведению»²⁸.

Управление собирательной личностью немислимо без воздействия на неформального лидера: «Для того, чтобы влиять на толпу или коллектив, нужно иметь дело прежде всего с ее вожаками и только в случае сговора с ними можно при их участии воздействовать на толпу в желаемом направлении»²⁹.

Представляют безусловный интерес и **наблюдения Бехтерева за политическими баталиями** и попытки вывести из них некоторые закономерности. Продвижение на политическом поле собственных интересов политической партии или движения, как отмечает В. М. Бехтерев, с неизбежностью врезается в стену противоположных интересов. И чем более активным становится это продвижение, тем более усиленно начинает укрепляться стена: «Всякое новое общественное движение встречает ту или другую оппозицию со стороны определенных общественных кругов. Но когда одно из общественных движений получает преобладающее значение, против него начинают действовать объединенные силы различных партий. Если мы имеем давление со стороны власти на те или иные общественные слои, то и в этом случае возникает оппозиция со стороны борющихся кругов общества, которая нарастает с тем большей энергией, чем большую реакцию проявляет правительственная власть. Всякая революция, кроме инертности в массах, встречает сопротивление в контрреволюционных, более умеренно настроенных элементах»³⁰. Таким образом, психолого-политической закономерностью становится то, что «всякая политическая мера, доводимая до крайности, тем самым подготавливает и собственное падение, возбуждая в обществе оппозиционную реакцию»³¹. А историческое следствие данной закономерности проявляется в том, что **деспотичное управление с неизбежностью подготавливает революцию, революция же, в свою очередь, подготавливает контрреволюцию**.

Практические рекомендации для субъектов политики в данном случае состоят в том, что «когда происходит более или менее напряженная борьба против и равновесие сил оказывается недостаточно устойчивым, представляется крайне рискованным делать резкий уклон одной партии в свою сторону, не оценив в достаточной мере свои силы, которые должны преодолеть возможное сопротивление противной стороны, иначе дело сведется к провоци-

рованию событий, к возбуждению оборонительной реакции со стороны противоположных борющихся партий, и дело может кончиться неблагоприятно для зарвавшейся стороны»³².

Особый колорит обретают психолого-политические проявления собирательной личности **в период политических кризисов**. Прежде всего, обращает на себя внимание **всплеск мистики** в данных условиях. Сложность, парадоксальность и запутанность социальной ситуации оказывает угнетающее воздействие на рациональное мышление масс и питает собой их **веру в очередного новоявленного мессию**. «В периоды подавления народного духа религия и мистицизм всегда приобретали особое развитие в народных массах. Вполне естественно, что когда подавляются все политические движения, в народе обнаруживается наличность мистицизма. Вместе с тем, как понижается рассудочная способность в периоды народных движений, впечатлительность толпы, наоборот, повышается, а это поддерживает склонность к мистицизму, проявляющуюся в повышенном стремлении ко всему сверхъестественному и чудесному»³³.

Стрелки рациональных и взвешенных решений на весах революционных катаклизмов имеют тенденцию смещаться в сторону политического радикализма. Все дело здесь в том, что «половинчатые решения в более острые периоды человеческой истории не получают моральной силы, а нейтральность в действиях вызывает недовольство и осуждение, а иногда и озлобленность не в одной какой-либо стороне, а во всех, и обыкновенно половинчатость в действиях пагубна для самих лиц, выступающих с ними»³⁴.

Большое значение как в научном, так и прикладном аспектах представляет **анализ Бехтеревым динамики общественных движений**. Динамика эта задается как внутренними, так и внешними факторами.

Одним из оживляющих общественное движение условий является временный отдых или приостановка этого движения. «Ни одно в сущности общественное движение не может идти с достаточной энергией непрерывно. Оно непременно будет затихать само под влиянием внутренних тормозящих условий, заключающихся в утомлении его приверженцев. Но некоторый отдых или перерыв этого движения уже вновь его оживляет, давая новый импульс к движению»³⁵.

Когда общественное движение возникло, достаточно бывает обыкновенно ничтожной искры, чтобы его оживить, тогда как в начале его возникновения оно

28 Там же. С. 80.

29 Там же. С. 89.

30 Там же. С. 240.

31 Там же. С. 240.

32 Там же. С. 198.

33 Там же. С. 190.

34 Там же. С. 95.

35 Там же. С. 199.

пробивалось с большими усилиями. «Вот почему при соответствующих условиях, т. е. при подготовленной почве, достаточно даже минимального толчка, чтобы разразилось самое движение в целую бурю»³⁶.

Главной внешней **живительной силой**, питающей развитие общественного движения, являются чинимые ему со стороны иных общественных движений или органов государственной власти препоны и препятствия. Самой лучшей участью, которой может желать себе зарождающееся общественное движение, как это ни парадоксально на первый взгляд, является **участь гонимого мученика**. «Оживление общественного движения может происходить и в виде реакции на другое, противодействующее ему общественное движение или государственную меру. Так преследование христиан в первые века ничуть не ослабляло христианского учения, а, наоборот, оказывало ему сильную поддержку, окружая первых христиан ореолом мученичества. То же самое мы имеем с преследованием религиозных отщепенцев, как, например, раскольников в России, а равно и с преследованием революционеров»³⁷. В связи с этим чрезвычайно важна мысль Бехтерева о том, что установление веры, утверждение идеалов в общественном сознании должно начинаться с жертвоприношения, с демонстрации мучеников, готовых страдать за этот идеал. «Всякое новое общественное движение, долженствующее изменить существующий уклад жизни и не отвечающее в данный момент взглядам большинства, пролагая свой путь, обыкновенно требует жертв и должно быть вымучено»³⁸.

Утверждение новых идеалов в общественном сознании сопровождается борьбой за символы, которая имеет свои психолого-политические закономерности. «Во все периоды своей истории народ стремится

ся олицетворить свои политические и религиозно-моральные верования в определенные символы, которые отражаются в искусстве»³⁹. Как только эти верования начинают ослабевать или даже исчезают, народ обращается против тех символов, которые он почитал ранее. Причем это происходит с тем большей яростью, чем более противоположны его новые политические воззрения по отношению к старым. «Вот почему в слепой ненависти народа гибнет все, что своим содержанием напоминает прошлый уклад жизни и что олицетворяет в символических образах прошлые варварские народы»⁴⁰.

Указанная особенность дает **ключ к пониманию послереволюционного синдрома** в России. «Вековое рабство и темнота русского народа, обусловленные прежним режимом, явились причиной того, что когда трудящийся народ получил свободу, и не только свободу, но и господствующее положение, произошло нечто такое, что не всеми учитывалось и во всяком случае не могло быть предвидено. Дело в том, что осознав свою свободу и права, трудящийся люд, раньше работавший из-под ярма, исполнявший подневольный труд, всегда и всякому противный и невыносимый, стал освобождать себя от труда вообще, прибавив к общей разрухе, неизбежной вообще при коренном перевороте общественной жизни, еще самую тяжелую разруху — отсутствие дисциплины или «разгильдяйство», с одной стороны, и бегство от труда или «озорничество», с другой»⁴¹.

К сожалению, психолого-политическое наследие В. М. Бехтерева до сих пор не стало предметом глубокого осмысления со стороны современников, хотя **целый ряд его положений оказывается как нельзя более пророческим отражением сегодняшних политических реалий**.

Кандидат психологических наук
ЗАБАРИН Алексей Владимирович

36 Там же. С. 199.

37 Там же. С. 200.

38 Там же. С. 200.

39 Там же. С. 244.

40 Там же. С. 244.

41 Там же. С. 214.